

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕЧЬ
ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ:
ОТ ДИАЛЕКТОВ К РЕГИОЛЕКТУ**

В настоящее время русские говоры Восточного Забайкалья в языковом отношении не представляют собой однородного образования, так как имеют различия в материнской основе и развивались в условиях разных языковых контактов различной степени интенсивности.

В центральных районах Читинской области, на территории раннего заселения со второй половины XVII в. (современные Нерчинский, Шилкинский, Балецкий, Ононский районы), бытуют старожильческие говоры, сохраняющие черты севернорусского происхождения, повсеместно распро-

странены говоры среднерусские переходные, либо развившиеся в результате влияния на говор севернорусской основы переселенческого среднерусского говора, литературного языка, либо изначально имевшие смешанный среднерусский характер, в частности на территории, осваивавшейся в более поздние сроки. На юго-западе Читинской области в Красночикойском, в Хилокском районах есть ареал функционирования старообрядческих говоров южнорусской основы («семейские» говоры), предки носителей которых осваивали эту территорию с середины XVIII в., здесь же встречаются старожильческие говоры, диалектоносителей которых местные жители называют «сибиряками».

Глобализацию называют приметой нашего времени. Современные процессы, отражающиеся в русской народной речи Восточного Забайкалья, относятся в большей части к последствиям интеграционных процессов этого общемирового явления. Наблюдающиеся в частных диалектных системах изменения свидетельствуют об их сближении, трансформации, нивелировании различительных и выработке общих локальных черт.

Безусловно, в локальных языковых системах происходят процессы общерусского интралингвистического характера, в частности, действующие языковые законы унификации и экономии языковых единиц постепенно перестраивают фонетико-фонологическую систему, ослабляя функциональную значимость гласных и усиливая смысловозначительную роль согласных, унифицируется подсистема грамматического строя.

Внутри частной диалектной системы эти процессы протекают с разной интенсивностью, в сопоставлении с литературным языком здесь сосуществуют реликтовые и инновационные явления.

Так, в ряде русских старожильческих говоров Восточного Забайкалья, имеющих севернорусскую основу, в фонетической системе сохраняется позиционная мягкость шипящих. Например, в говоре с большим количеством наблюдающихся реликтовых черт с. Зюльзя Нерчинского района (данные 2005, 2007 годы) в речи диалектоносителей старшего поколения позиции употребления мягких шипящих остаются достаточно широкими: 1) [перед гласными переднего ряда: [*лиж'ши', ж'ил'и, ж'ива, ж'ил'и праж'ила, дъж'идайт, ж'ин'иц'а, даж'ь, ч'о ж'ь, тож'ь, такж'ь, ш'иткь, муж'ик'и, см'ши'ил'и, спраш'ивал'и, выш'эл, плдуш'ьк*]; 2) перед мягкими согласными: [*уш'к'и, курмуш'к'и*]; 3) на конце слова после дистантного мягкого согласного: [*лиж'ши', буд'ьш'*]; мягкость шипящих редко можно наблюдать и перед гласными непереднего ряда: [*п'б'иж'ал'и, пр'иб'иж'ал'и, скаж'ут, с'иж'у*].

В части старожильческих говоров сохраняется неполное оканье, а в говоре с. Зюльзя в речи пожилых носителей наблюдается полное оканье [*молодой, сторона, горот*] и еканье [*н'есла, вз'ела, с'ело, т'еп'ер', л'еч'ил'и, с в'есны*], произношение напряженных глухих согласных [*п'угал'и, п'омогат, т'упор'и, т'ак-ть, шмок'отина*]. Как остаточные материнские черты во многих старожильческих говорах в отдельных лексемах отмечается произношение [е] на месте [а] под ударением между мягкими согласными [*оп'ет', гр'ес', м'еч'ик*], сочетания [мн] вместо [вн]:

[мнук, дамно], на наличие былого неразличения аффрикат [ц] и [ч] указывает произношение твердого [ч]: [чузуишкь, чуишкь, ручна, ш'ичас].

В современных «семейских» говорах наблюдаются южнорусские черты: недиссимилятивное аканье: [разгавар'ивал'и, жалан'ийь, жана, започка], сильное яканье: [пл'ал'и, л'ач'ил'и, р'аз'ингьвых, с в'асны, д'ат'эй, в'асной, п'ашком, зд'элайт'а, б'ада, л'акар'а], фрикативный звонкий задненёбный: [ч'уһунка, ч'уһуику, һаланку, баһата жывут', һавар'ит', һл'ад'ит'а], на конце слова возможно произношение [х]: [в плух, на крух]. Отмечаются падежные формы существительных с заменой мягкого [х'] мягким [с']: [в рубас'и, на ар'эс'и]. Встречается материнский [ў] неслоговой: [д'эўк'и, ў калхоз'и, ўс'о], перед начальными [о], [у] употребляется протетический [в]: [вутром, вурлафск'ий, вул'ица, воспа], на месте [ф] в слове *сарафан* произносят [хв]: [сарахван].

И в морфологической системе заметны диалектные особенности, привнесенные из материнских говоров, поддерживаемые в своем существовании как системные явления-новации, так как шире, чем в литературном языке, представляют тенденции развития – процессы унификации, то есть выравнивания основ в грамматических формах, выравнивания грамматических форм.

В русских старожильческих говорах Восточного Забайкалья выравнивание системы формообразования наблюдается как между типами склонения, так и внутри типов.

Например, среди известных трёх типов склонения имён существительных продуктивный мужской тип – 1 скл. (нумерация типов склонения академическая) влияет на существительные мужского рода, изменяющиеся в литературном языке по 2 скл., и они получают продуктивную модель формоизменения: *парнишка бросили, с парнишком, у дедушка спросите, с дедушкой*. Разносклоняемое существительное мужского рода *путь* также изменяется по 1 скл.: *около пути, по пути шёл*. В самой системе 1 скл. у существительных мужского рода в формах Р. п. и П. п. ед. ч. шире, чем в литературном языке, представлено окончание -у: Р. п. – *с метру, без моху, ветру не дуло*, П. п. – *в этом колхозу, на моём дворе*.

Продуктивным женским типом является 2 скл. Существительные женского рода 3 скл., подпадая под влияние падежных форм существительных 2 скл., изменяются по 2 типу: *по грязи, на пече, в пече, в дале, в постеле, с болезней, к дочери*, параллельно сохраняя и свои исконные формы: *из жерди, без вести, к ночи*. По 2 скл. преимущественно изменяется существительное *церковь*: *церква была пристольна, в церкву привезли, с церковой*.

Внутри 2 скл. в старожильческих забайкальских диалектах в форме Д. п. и П. п. встречается ударное окончание -ы, -и: *к весны, на реки*, разившееся в результате выравнивания форм Р. п – Д. п. – П. п. по форме Р. п.

Во мн. ч. в Им. п. встречаются как формы с окончаниями -ы/-и/: *внучаты, ребята, ситы, кольца, кины, дома*, так и формы с окончаниями – -а/-я/: *знахаря, стаканья, дочеря*. В Р. п. мн. ч. широко представлены формы на -ов/-ев/: *из ногев, змеев, зимовьев, фамилев*, на -ей: *братей, стулей, братовой*. В Тв. п. отмечается унифицированная форма с формой Д. п.: *с*

ребятишкам, рукам взяли. Общая форма для Д. п. и Т. п. во мн. ч., помимо существительных, распространяется на прилагательные и местоимения: *к своим рукам – своим рукам всё делали, воду большим вёдрам носили.* В П. п. мн. ч. встречается форма с окончанием -ев: *на конеф.*

Среди имен прилагательных, местоимений-прилагательных, порядковых числительных широко употребляются формы, утратившие интервокальный [j], пережившие ассимиляцию и стяжение гласных: *брава девка, ясна ягода, бестужа скотина, така жись, перва забота.* В склонении имён прилагательных и местоимений наблюдается совпадение форм Тв. п. и П. п. ед. ч.: *в Нерчинском районе, в этом доме, в каком-то лесу.*

У личных местоимений 3 лица наличествует [j] при употреблении с предлогами: *с ей, к ему, к им.* Широко употребляется форма 3 л. мн. ч. в Им. п. с окончанием -е: *оне.*

Утрата интервокального [j] и стяжение гласных отмечается в личных глагольных формах: *знат, быват, делам.* В системе форм глагола широко представлено выравнивание глагольной основы по основе на задне-нёбный согласный: в основе инфинитива – *берегчись, стригчись,* в основах личных форм – *пекёшь, текёт, стригём, не берегётесь.*

Встречается употребление со значением несоверш. вида глагольной основы без суффикса -ва: *полиём мы её.*

Новационные процессы в забайкальских говорах носят системный характер и развиваются в соответствии с общими языковыми тенденциями, аналогичные процессы прослеживаются во многих сибирских говорах севернорусской основы.

В «семейских» говорах так же, как и в старожильческих говорах, наблюдаются результаты процессов унификации грамматических форм.

В форме Р. п. ед. ч. существительных женского рода на аа с твердой основой наряду с окончанием -е (*у жане*), что является южнорусской особенностью, употребляется окончание -ы (*у сястры, послы вайны*), возможно развившееся под влиянием литературного языка. Остаточной южновеликорусской материнской чертой у этих существительных является окончание -ы в формах Д. п. и П. п. (*к сястры, к зимы, к вайны, на машины сидим*). Существительное *церковь* употребляется в двух вариантах: как существительное 3 скл. *церковь* и как существительное 2 скл. *церква* (*в церкви, в церкву*).

Существительное ж. р. *пройма* зафиксировано как существительное м. р. (*с праймом*). Изменения в роде шире отражены в категории ср. р., которая, будучи слабым звеном, даёт колебания то в сторону м. р. (*молоко тоже был, долго письмо шёл, крыльцо старый*), то в сторону ж. р. (*мясу какую зарежешь*).

Существительное *день* в сочетании с числительным *два* имеет окончание -и (*два дни*).

В Им. п. мн. ч. существительных встречаются и формы с окончанием -ы/-и/ (*домы, вароты, окны*), и формы с окончаниями -а/-я/ (*лякаря, валаса, вёдра*). В Р. п. мн. ч. отмечаются формы на -ов /ев/ (*манистов было, конеф не было*) и на -ей (*без дахтарей*). В Тв. п. мн. ч. употребляются формы с окончанием -ами (*косами касили*), зафиксирована форма с окончанием

-амы (*рукамы стружылли манисти*), и достаточно часто встречается унифицированная форма по форме Д. п. с окончанием -ам (*лапатам капали, с иконам хадили, жали сертам, растут кругам*). Как и в старожильческих говорах, общая форма для Д. п. и Т. п. во мн. ч., помимо существительных, распространяется на прилагательные и местоимения (*к своим рукам – сваим рукам всё делали, бальным рукам ни магу делать, с таким людям биседавать*). В П. п. мн. ч. встречается форма с окончанием -ех (*на этих конех*).

В «семейских» говорах наряду с нестяжёнными формами имен прилагательных, местоимений-прилагательных, порядковых числительных (*такая нарядная, большая шаль, старая внучка*) употребляются формы, утратившие интервокальный [j], пережившие ассимиляцию и стяжение гласных (*чажоло жысь, брава кичка, ивонна дочка, перва ягада*), которые развились в говорах под влиянием старожильческих говоров «сибиряков». В склонении имён прилагательных и местоимений так же, как и в говорах «сибиряков», встречается совпадение форм Тв. п. и П. п. ед. ч. (*в этом абряде*).

Личное местоимение я в Р. п. реализуется и в форме с окончанием -е (*у мне*), и в форме с окончанием -я (*у миня*), в Д. п. сохраняет основу без беглости гласного (*мине дали*). Личные местоимения 3 лица, сочетаясь с предлогами, не имеют начального [н'] (*у ей, к иму, с имя, с ымя*). Широко употребляется форма 3 л. мн. ч. в Им. п. с окончанием -ы (*аны*). Любопытно, что это местоимение в Д. п. и Т. п. имеет унифицированную форму *имя* (*на-магаем имя, с имя*). Инфинитивная форма глагола встречается с перенесением ударения на основу и редукцией гласного суффикса инфинитива (*нивазможно завесть*), в инфинитиве с корнем *ид-* наблюдается осложненные формы -ть (*итить в бальницу, зайтить*).

В личных глагольных формах преимущественно отсутствует утрата интервокального [j] и стяжение гласных (*знаем, сбегает, гуляешь*), хотя фиксируются и стяжённые формы (*кушак запаясаишь, работам*).

В системе личных форм глагола представлено выравнивание глагольных основ по основе на задненёбный согласный (*талкёш, някём*), по основе на зубной согласный (*скитяют*), употребляются и формы с чередованием согласных в глагольных основах (*пяку – нячём, встречу – встретишь*). В форме 2 л. мн. ч. отчётливо может звучать форма на -тя (*идётя, идитя, тири визитя, убярётя*). Широко распространена форма 3 лица глаголов настоящего, будущего времени на -ть (*носят, надеёт, идёт, растут, сидят*).

Встречается употребление деепричастия с суффиксом -вши со значением не добавочного действия, а основного, в этом случае деепричастие выполняет функцию сказуемого (*Аны калоцы выкапавишы; Я с шести гадов аставиши биз матери*).

Едва ли не более значимыми в изменении диалектных языков, как видно по общей характеристике их современного состояния, являются процессы интеграционного характера, которые обуславливают изменения в системе диалектов. Ученые давно констатируют, что многие изменения происходят под воздействием литературного языка. Литературный язык, будучи развитым универсальным средством общественной коммуникации,

ускоряет (катализирует) или сдерживает, а порой и изменяет вектор диалектных процессов.

В.Д. Бондалетов так определяет назначение и основные свойства литературного языка: «Литературный язык – это главная форма существования национального языка, а также языка народности, обслуживающая самые разнообразные сферы жизни общества, превосходящая все другие разновидности богатством, полифункциональностью, обработанностью и строгостью форм» [Бондалетов 1987: 49].

Почти повсеместное вытеснение из диалектной старожильческой речи оканья аканьем, господство иканья, фиксируемые практически только в речи старушек формы *по грязе* и *рукам все делали*, безусловно, – результат массивированного воздействия литературного языка. Диалектологи считают, что «влияние литературного языка на говоры... возросло на протяжении его истории и особенно интенсивным стало в наше время» [Русская диалектология 2005: 6]. Однако строгость в соблюдении языковых норм как раз и ограничивает, на наш взгляд, возможности воздействия литературного языка на территориальные диалекты в силу того, что последние, функционируя в обиходно-бытовой сфере общения, отличаются неофициальностью и большей свободой в выборе языковых средств.

Права учёные, которые ещё в 30 – 50-е годы XX в. выражали беспокойство по поводу стирания диалектных различий под влиянием литературного языка. Нивелировка диалектных черт в сторону литературного языка наблюдается, но этот процесс столь длительный, что и в настоящее время «индивидуальность» наиболее устойчивых территориальных особенностей сохраняется.

Например, в старожильческих говорах севернорусской основы устойчивыми являются: утрата интервокального [j] со стяжением гласных в окончаниях прилагательных, порядковых числительных и местоимений, глаголов: *брава девка, тяжёла работа, перва красавица, тако место, быват, делат, знат*; упрощение [т] в сочетании [ст] на конце слова: *мос, кус, хвос, чась*; следы ассимиляции согласного с [j] в виде употребления двойных мягких согласных либо с сокращением долготы согласного ([*валос'с'а*], [*стакан'н'а*], [*плат'а*], [*нал'ош*]). В сочетании [кт] встречается замена [к] на [х] ([*хто*], [*дахтарам*]).

Как известно, более активному изменению под влиянием литературного языка подвержена лексика диалектов. В настоящее время мы наблюдаем, даже по сравнению с 70-ми годами прошлого столетия, уход диалектных слов в пассивный запас носителей диалекта или даже этих слов утрату (последнее наблюдается в речи молодого поколения). Так, в спонтанной речи старшего поколения редко уже услышишь слова: *лопотина* (одежда), *курмушка* (легкое стеганое пальто), *куртик* (ватная куртка), *малкан*, *малок* (младший ребенок из двух детей с одним именем в семье) и др. А юное деревенское поколение этих слов зачастую уже и не знает. Как известно, в диалекте утрачиваются слова, если исчезают реалии, которые они называют (*олочи* – обувь в виде лаптей из кожи с оборкой, *ленивка* – лавка за печкой), часть слов, обозначающих бытующие на территории реалии, заменяется синонимичными им словами из литературного языка (*лопотина*

– одежда, *файбора* – оборка, *сухарить* – дружить, *замоть* – сумерки и др.).

В настоящее время ученые считают перспективным исследование характера взаимоотношений, взаимодействия литературного языка и диалектной системы. Носители диалекта, владея народно-речевой культурой, осознают привлекательность литературной речевой культуры, имеют определенные представления о ней. Употребив в беседе диалектное слово, могут пояснить его литературным эквивалентом: *Ленивка* – лавка с палочками, *куры жили*. *За печкой залавок, деревянный в куте*, *куть* – кухня, место у печки (из текстов записей старожильской диалектной речи); *Помню: комлычку одевали. Вот эта такая большая шаль. Её так винтом завинчивали на голове. В сундуках хранят праздничные, корольковые тут были, жарёлок называли этот бабушки, корольки их звали, бусы беленькие, сейчас их бусы зовут, такие были крупные корольки, янтарь их называли, любили их* (из текстов записей диалектной речи «семейских» южнорусского происхождения).

Сельские жители в беседах охотно употребляют новые для них литературные слова иноязычного происхождения, часто усваивая их через устное восприятие и вследствие этого искажая их литературный фонетический облик через различные фонетические модификации:

– в словах может пройти межслоговая ассимиляция гласных и замена в контаминации звуков мягкого согласного на твердый: *панафиду делают* – *панихиду*;

– межслоговая ассимиляция согласных и замена твердого согласного на мягкий: *титифон* – *патефон*;

– может развиваться гласный полного образования в сочетании с плавным согласным: *гарамафон* – *граммофон*;

– произносится велярный [р] на месте мягкого литературного согласного: *крызис* – *кризис*, *каструля*;

– в результате межслоговой ассимиляции может произойти замена глухого заднеязычного смычного согласного звонким: *галготки* или *галголки надела* (поясняет: *итаны с чулками*), *гарниз* – *карниз*, в слове *галголки* наблюдается ещё и диссимилиация по способу образования с наложением ассимиляции со звуком [л];

– часто встречаются проявления диссимилиации по способу образования: *прахтика* – *практика*, *живут на балхонах* – *на балконах*; *лигисировалась* – *регистировалась*, *яблоки малинуют* – *маринуют*;

– может наблюдаться замена заднеязычного [г'] переднеязычным [д'] и вставка в интервокальной позиции звука [в']: *дивирдинчики* – *георгинчики*;

– может происходить утрата согласного внутри корня в сочетании согласных: *риматизм* – *ревматизм*;

– утрата начальных гласных: *ристант* – *арестант*;

– утрата начальных сочетаний звуков: *тиллигенти* – *интеллигенты*, *пресия было* – *репрессия*;

– встречается значительное искажение корня, возможно, на просторечной основе: *на лепестричество хохочат* – *на электричество*.

Сибирский диалектолог З.М. Богословская, рассматривая фонематические колебания в корневых морфемах литературных слов в русском старожильческом говоре с. Вершинино Томской области, выделяет типы модификаций: собственно фонематические варианты слова, промежуточные образования – варианты – и разные слова. Фонематические варианты слова появляются при наличии структурного инварианта. К разным словам относятся единицы с различиями, превышающими 50 % фонемного состава морфем [Богословская 1991: 17].

Трансформироваться может и семантика слова, пришедшего из литературного языка. Например, плохого, вредного человека могут назвать еретиком, а займку, зимовьё или огород не без юмора – фазендой (после просмотра сериала «Рабыня Изаура»).

В области фонетики нивелирование диалектных черт происходит медленнее. Общеязыковой процесс неразличения безударных гласных среднего подъёма как в позиции после твёрдых согласных, так и после гласных наблюдается и в литературном языке, и в диалектах. Под влиянием литературного языка в русских старожильческих говорах Восточного Забайкалья наблюдается переход от оканья к аканью, еканье вытесняется иканьем. В консонантизме отвердевают мягкие шипящие и, наоборот, смягчаются [ч'] и долгий [ш':].

В морфологической системе приостанавливаются унификационные процессы между типами склонения и внутри типов склонения. Практически только в речи старшего поколения можно ещё услышать в *грязе, на пече, рукам делали, вёдрам таскали*. Диалектная инфинитивная форма *берегчи* вытесняется литературной *беречь*.

Ещё один фактор, который нельзя в настоящее время игнорировать при изучении современного состояния русской народной речи Восточного Забайкалья, – интеграция территориальных диалектов и общенародного просторечия. Этот процесс гораздо тревожнее, так как, в отличие от богатой литературной языковой системы, общенародное просторечие приводит к обеднению территориальных диалектов.

Территориальные диалекты и просторечие сближает ряд общих оснований: сфера обиходно-разговорного общения; нелитературность, определённая свобода реализации языковых единиц; большая экспрессивность, оценочность.

Исследователь данного языкового феномена В.В. Химик отмечает, что просторечие как функциональная разновидность национального русского языка является сферой снижения, эмоционально-экспрессивного усиления, а также известного упрощения коммуникации [Химик 2001: 24]. Эти особенности и способствуют проникновению просторечных элементов в диалектную речь сельских жителей и устойчивому употреблению.

Просторечные единицы проявляются в речи диалектоносителей на всех языковых уровнях:

- в области ударения: *сто километров, средства, хозяева*;
- в произношении: *плотись, кино казал, зацопится, чё, почё, з гу-магами*;

– в морфологии: *пальтов не было, в кине, в сильпе, из белой брезенты, по радиву, всё в ихних руках, хочут, хотишь, текёт*;

– в лексике и фразеологии много сниженных или грубых просторечных экспрессивов: *пацанами были, швыркаю соплюху, нажрались угурцы, шухор поднял, шары-то закачарила, окромя их, мамаша сидит, моя сноха ково хош облает, пропойца, чумы были ходячие, мужика у ей упёрли, всё перепёрли на свете, войну пропёрли – прошли, она разопрёт – наговорит, шалашина девка, девки до утра кошковали, спали по-чушечьи, хлещется – бегают, по голубицу жрать пошли (и тут же – поели), отцель как начинатся дорожка, покатила я оттуль*;

– в синтаксисе: *ходить не можно*.

К факторам, отражающим специфические региональные изменения, относятся инодиалектное влияние и воздействие автохтонных языков.

В ходе развития забайкальские русские старожильческие говоры подвергались междиалектному и иноязычному влиянию. Не только под воздействием литературного языка, но и в результате близкого и длительного соседства с акающими говорами более поздних переселенцев черты севернорусского происхождения ослабляются, диалекты в целом приобретают переходный среднерусский характер. Как уже отмечалось, преобладающим типом вокализма после твердых согласных (в речи не только молодёжи, но и лиц среднего возраста) становится аканье [*вада, праиол*], после мягких согласных – иканье [*б'идн'як, зв'ир'эй*]. Встречаются говоры, в которых [ш] и [ж] в любых позициях произносятся твердо, а [ч'] мягко. Произношение твердой аффрикаты отмечается в речи диалектоносителей старшего возраста, наряду с произношением мягкого звука. Среди носителей диалекта встречаются информанты, в речи которых употребляется только мягкий звук [ч'], есть информанты, в речи которых мягкий и твердый звуки сосуществуют. На наш взгляд, сохранение твердости обусловлено позицией перед гласными непятого ряда, перед твердыми согласными: [чушку, чуш'ък, чуркъ, чугушку, мнучата, за п эчкъм]. Редко фиксируется произношение твердого звука [ч] перед гласными пятого ряда: [*афчыны, пачынка*].

На морфологическом уровне происходит разрушение ср. р. Часть существительных ср. р. под влиянием аканья (явление внешней звуковой аналогии) литературного языка, или под влиянием окружающих говоров южнорусской основы, или говоров среднерусских переходит в ж. р.: *время пришла, кака же тут учения*. Под влиянием более продуктивного грамматического класса м. р. существительные *яблоко, имя* могут быть употреблены как существительные м. р.: *яблок несаженный, имей дашь, вообще-то молочко этот горький*. Названия сёл, употребляющиеся в литературном языке как существительные ср. р., в забайкальских говорах могут быть употреблены как существительные ж. р.: *Большое Казаково – Большая Казакова была, работали в Казаковой*. Возможно, подобное употребление вызвано ассоциативной связью с родовым существительным ж. р. *деревня*.

На территории Забайкалья краснотойские говоры попали как под влияние литературного языка, так и под влияние соседствующих русских старожильческих говоров: появились смычное произношение [г], еканье и

иканье, общая форма для дательного и творительного падежей существительных и прилагательных во множественном числе (*рукам все делали, ведрам таскали*), стяжённые формы прилагательных и личных форм глаголов.

Помимо взаимовлияния, русские говоры Забайкалья испытали воздействие со стороны языков аборигенов, это нашло яркое отражение на лексическом уровне в виде заимствований из бурятского и эвенкийского языков, а в ряде говоров проявляется и на фонетическом уровне.

В лексике старожильческих забайкальских говоров можно выделить пласты: общенародную лексику, лексику севернорусского происхождения (*квашня, зыбка, сковородник, хват* и др.), бурятские и эвенкийские заимствования, которые и представляют специфическую лексику забайкальского происхождения.

Среди заимствований из бурятского языка выделяются слова, связанные с животноводством (например, *яман* – домашний козел, *бурун* – годовалый теленок), наименования особенностей быта местного населения, например, названия кушаний (*бухлер* – вареное мясо с бульоном, *затуран* – чай с молоком, маслом, поджаренной мукой), слова, характеризующие человека (*зундугло, дымбей* – бестолковый человек, несмышленный ребенок, *шулюкан* – озорной ребёнок, *дыген* – плакса, *зудырь* – неряшливый человек и др.). Бурятизмы, вошедшие в лексику русских говоров Забайкалья, либо выражают более конкретное понятие по сравнению с русскими названиями и одним словом могут заменять описательное наименование, либо имеют экспрессивно-оценочный характер. Они русифицированы, так как способны развивать переносные значения и формировать словообразовательные гнезда.

Иноязычное влияние на фонетическом уровне отмечается в ряде говоров, распространенных на территории, заселенной русскими и бурятами. Так, исследователь фонетической системы ононских говоров О.Л. Абросимова появление в русских говорах фонемы [д'ж'] [олган'д'ж'а], очень открытого звука [а], выпадение гласных в предупредных и заударных слогах относит за счет влияния агинского говора бурятского языка. Сохранение невеляризованных и непалатализованных шипящих фрикативных согласных объясняет поддерживающим влиянием аналогичных черт, имеющих место в бурятском языке [Абросимова 1997: 25].

Таким образом, на развитие русских старожильческих говоров влияет целый комплекс факторов. Под воздействием литературного языка (усиление этого влияния наблюдалось во второй половине XX в. с распространением повсеместной грамотности, радио, телевидения, печатных СМИ), а также близкого и длительного соседства с акающими говорами более поздних переселенцев в ряде старожильческих говоров черты севернорусского происхождения ослабли, эти диалекты приобрели переходный среднерусский характер. В свою очередь, «семейские» говоры также попадают под влияние соседствующих русских старожильских говоров, безусловно, испытывают они воздействие и со стороны литературного языка.

Нивелирование диалектных особенностей в говорах севернорусского и говоров южнорусского происхождения происходит также и под влиянием общенародного просторечия.

Исследования показывают, что в говорах южнорусской основы в силу экстралингвистических причин изменения протекают медленнее, чем в говорах севернорусской основы. Ослабление в последнее десятилетие влияния литературного языка из-за социально-экономических обстоятельств развития страны продвигает забайкальские говоры к общенародному просторечию.

При утрате ряда материнских диалектных особенностей, различающих забайкальские русские говоры, сохраняются отдельные наиболее устойчивые региональные элементы, которые становятся общими для русской народной речи сельских жителей Восточного Забайкалья: стяжённые формы прилагательных и личных форм глаголов, глагольные формы с основой на задненёбный согласный (*толкёшь, стерегём*), формы с ассимилированным [j] ([*валос 'с'а, стакан 'н'а*]), личные местоимения 3 лица с предлогами, не имеющие начального [н'] (*у ей, к нему, с имя, с ымя*). К общесибирским диалектным особенностям можно отнести своеобразное употребление местоимения *кто* в форме *каво* вместо местоимения *что* (*каво я скажу, абуть некаво було*), диалектные огласовки местоимений [ч'о] – *что, с какей-то – с какой-то, евонный, ивонный – его, ейная – её, ихний – их*. Данные регионализмы становятся общими для обеих региональных подсистем и дают основание предположить, что на территории Восточного Забайкалья происходит формирование наддиалектного единства – забайкальского койне (региолекта).

ЛИТЕРАТУРА

Абросимова О.Л. Фонетическая система русских говоров Читинской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Богословская З.М. О пределе формальных различий фонематических (корневых) вариантов слова // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. С. 16 – 17.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.

Русская диалектология. М., 2005.

Химик В.В. Современное русское просторечие как динамическая система // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001.

С.В. Науменко

ИСТОРИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОПИСАНИЯ *О/Е* ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ В ПРОЕКТАХ ПРАВИЛ ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ (30 – 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

30 – 50-е годы XX в. можно с полным правом назвать периодом активного орфографического строительства, которое столкнулось с целым комплексом теоретических и практических проблем: оценка реформы 1917 г., вопрос о дальнейшем реформировании или упорядочении правописания и его